

*Все события вымышлены автором,
совпадения случайны.*

Так вы действительно думаете, что я опасаюсь за свою жизнь? Что мне ее жалеть? Разве я не получил от нее всех возможных и невозможных удовольствий?

Лорд Байрон

Глава 1

Н

кто скучал. Иногда, время от времени, наступали такие периоды, когда ему было нечего делать.

Это случалось нечасто, но все-таки случалось. Периоды вынужденного безделья длились недолго. Сначала это было даже приятно — отдых, ничегонеделание, безответственность. Свобода... Куда хочу, туда лечу! Но затем...

Вот и сейчас привычная обстановка надоела. До боли знакомые стены, мебель, картины, книги... В книгах иногда пишут интересное, но читать о чем-то и испытывать что-то самому — разные вещи. Впрочем, в запутанных книжных историях можно кое-что почерпнуть для развлечения. Жаль только, фантазия у авторов уж очень бедная! Интриги какие-то робкие, несмелые. Герои нерешительные. Скука!

На улице осень. Ничего, красивая: золото, малахит и пурпур. Калина и рябина — все в ягодах. Клены горят посреди улиц, как огромные костры.

Потом придет зима. Город будет стоять весь в серебре, укрытый белыми снегами, скованный морозом. Розовое небо закружится дымами.

За зимой придет весна, ее сменит лето...

Все бы ничего! Только ведь все это повторяется снова и снова! Опять осень с желтыми листьями, зима со снегом, весна с лужами, зеленое лето! Надоело!

Хорошо хоть город большой — Москва! Домов много. Есть и старые, даже очень. Раньше в них цари жили и бояре. Потом вельможи — ленивые, пузатые. По улицам гусары скакали, сверкая саблями! В дворянских особняках звучали мазурки и вальсы, летали над паркетами шелковые подошвы, блистали обнаженные плечи женщин! Потом...

Эх, потом все куда-то делось! Жаль...

А теперь все постоянно спешат, бегут без толку, без смысла, суеются! Зачем? Никакого полета мысли! Никаких порывов! Деньги, мелкие дразги, стрельба в темных подворотнях, вульгарные разборки, кухонные скандалы... Тараканы бега, а не жизнь!

Раньше люди все-таки были гораздо изобретательнее! И казнить, и миловать умели. А уж любить... Самое увлекательное всегда было с любовью связано неразрывно, как ночное небо с луной! Или солнце с ясным днем.

Вообще странно, как современным людям удастся при их непритязательности и отсутствии стоящих желаний так усложнять и запутывать жизнь, делать ее невыносимой? Создается впечатление, что все действуют механически, неосознанно и по шаблону. И все равно не видят простоты решений!

Некто не переставал удивляться еще одному свойству людей: бесконечным попыткам находить повсюду тайны и раскрывать их. Увы! За одной тайной тут же, как чертик из коробочки, выскакивала другая — и так до бесконечности...

Некто еще некоторое время любовался тонкими и печальными красками осени, синим небом, прозрачностью воздуха. Это напоминало ему прошлое, когда распахивались двери храмов, люди надевали свои лучшие

одежды и спешили к алтарю с обильными подношениями — несли вино, плоды и свежий мед. А в начале года вели на заклатие откормленного белого быка... крутобокого красавца, у которого пар валил из ноздрей. Благословенные дни! Что же сейчас? Делать решительно нечего. Скука...

Кирилл Дубровин вошел в гулкий пустой подъезд.

Эхо от его шагов отдавалось под высоким потолком. Наверх вела пологая лестница с истертыми ступенями. Лифт в доме был старый. Кирилл посмотрел вверх, на прозрачную сетку шахты, и решил подняться на третий этаж пешком. Он был в хорошей физической форме, и пройтись лишний раз по лестнице доставит ему удовольствие.

На втором этаже приоткрылась недавно поставленная прочная дверь из хорошего дерева.

— Здравствуйте, — как можно любезнее поздоровался Кирилл.

Родители с детства внушили ему уважение к соседям. Ему были интересны люди, живущие в таком старом московском доме.

На его вежливое приветствие никто не ответил. Дверь поспешно захлопнулась, как будто кто-то там, в полумраке старинной квартиры, в паническом страхе поспешил оградить себя от непрошеного знакомства.

Кирилл пожал плечами, недоумевая. Он ходил сюда уже пару месяцев, заканчивая ремонт в недавно купленной квартире, и еще ни разу ему не удалось рассмотреть толком ни одного жильца. И даже не из-за лампочек, которые то ли постоянно перегорали, то ли служили добычей подростков, которым не хватало на бутылку. Просто по непонятной причине люди,

проживающие в этом подъезде, шарахались от нового жильца.

Если, не дай бог, они спускались или поднимались по лестнице, то буквально пробегали мимо, стараясь не встретиться с Кириллом взглядом или быстро шмыгнуть в лифт. А то и вернуться обратно в квартиру и в спешке захлопнуть дверь, за которой тут же воцарялась мертвая тишина.

Однажды, когда он сильно порезал палец, а йода под рукой не оказалось, ни в одной из квартир, куда он звонил, ему так и не открыли. Люди на цыпочках подходили к «глазкам», напряженно дышали там, за дверями, и так же бесшумно отходили, растворялись в необъятных недрах квартир старой планировки.

Кириллу пришлось обмотать палец носовым платком и отправиться в ближайшую аптеку за перекистью, йодом и бинтами. Всю дорогу он раздумывал над непонятым поведением будущих соседей, так и не придя ни к какому выводу.

Он сделал приличный запас перевязочных и дезинфицирующих средств, так как его квартиру ремонтировали два быстрых и неразговорчивых мужика, нанятых отцом, и им тоже могла понадобится аптечка. Кирилл спрашивал у мужиков насчет соседей, но они только пожимали плечами:

— Тут, наверное, одни старики остались, пенсионеры. Куда им ходить?

Получалось, что мужики тоже почти никого не видели. Это было странно. Дом, в котором не было ни одной пустой квартиры, словно вымер. То есть жильцы, без сомнения, были, но... прятались, что ли? От кого? Почему?

Дом располагался внутри двора, в центре Москвы, в Неопалимовском переулке. Его окружали высокие старые липы, клены и разросшиеся кусты сирени. Стояла ранняя, теплая и сухая осень. Ветер гонял по

асфальту желтые и красные листья. На клумбах отцветали лиловые астры.

Кириллу безумно нравился этот тихий уголок старого города, само название переулка, говорившее о том, что во время бесчисленных опустошительных пожаров Москвы огонь обходил это место и оно оставалось невредимым.

— Хорошая примета! — сказал отец Кирилла, когда они ходили смотреть квартиру.

Николай Авдеевич Дубровин родился в Москве и прожил в ней всю жизнь. Он был профессором математики и до сих пор работал в университете, руководил научными исследованиями. Мама Кирилла ни одного дня не работала, обхаживая ненаглядного Коленьку, устраивая его быт и обеспечивая ему «творческий и интеллектуальный рост». Потом, когда появился еще более «ненаглядный» Кирюша, у нее прибавилось хлопот и пришлось нанять домработницу. Оплачивать ее труды оказалось уважаемому профессору не по карману.

Мargarита Георгиевна, посещавшая в детстве и юности хоровой кружок, считала себя несостоявшейся великой певицей. Когда у нее случались приступы легкой меланхолии, она надевала шелковое кимоно, привезенное ей в подарок мужем из Японии, ставила пластинку и слушала арию Чио-Чио-сан, куря при этом ментоловую сигарету, вставленную в длинный янтарный мундштук.

Сразу после школы она выскочила замуж за подающего надежды математика, потерявшего голову от ее свежей и наивной юности, и не прогадала. Супруг был значительно старше ее, называл ее Риточка, души в ней не чаял, выполняя все капризы юной жены. Он защитил сначала кандидатскую, потом докторскую и беспрепятственно продвигался по служебной лестнице. Нрава он был кроткого, весь погружен в свои фор-

мулы и уравнения, вредных привычек не имел и, кроме математики, любил старинные романсы и старинные монеты.

Романсы негромким низким голоском ему пела Риточка, кое-как аккомпанируя себе на небольшом черном рояле, который еще помнил, как уважаемый Николай Авдеевич ходил под ним пешком. А скромная, но тщательно подобранная нумизматическая коллекция тешила его душу скучными осенними вечерами. Запершись в своем кабинете и вооружившись лупой, профессор наслаждался разглядыванием своих сокровищ.

Когда Кирюша подросток, отец решил приобщить мальчика к нумизматике, ища в нем единомышленника и преемника в собирательстве. Он сажал ребенка на колени, раскрывал толстые глянцевые издания, иллюстрирующие историю монет, и, показывая пальцем то на одну, то на другую, пускался в длинные подробные объяснения.

— Знаешь, сынок, кто первый додумался чеканить золотые деньги? — задавал он вопрос, на который сам же и отвечал. — Одни утверждают, что это знаменитый Крез, лидийский царь, прославившийся несметным богатством. Другие... впрочем, неважно. Главное — благодаря честолюбию древних владык на свет появилась этакая красота! Художник должен был уместить на крохотном кружке простой и выразительный рисунок, изящную композицию, изумительную по тонкости исполнения. Формы для монет делали лучшие резчики, настоящие мастера, способные превратить золотую или серебряную денежку в прелестную миниатюру. Некоторые монеты — настоящие шедевры изобразительного искусства и немые свидетели прошлого. Они могут подтвердить или опровергнуть догадки историков и археологов. Вот, смотри... это афинские монеты с надменным профилем богини...

вот римские денарии с близнецами Ромулом и Ремом и вскормившей их волчицей... вот монеты Сицилии пятого века до нашей эры. Они славятся тем, что на них можно увидеть колесницы на беговых состязаниях...

Кирюша зевал, тер кулачком глаза и капризничал.

— Ладно, иди! — сокрушался профессор. — Ты еще слишком мал!

Однако возраст не прибавил мальчику любви к монетам. И Николай Авдеевич продолжал заниматься ими в одиночестве.

Если бы не это его пристрастие, денег бы на все хватало: и на достойное содержание семьи, и на домработницу. Но коллекция требовала значительных вложений. Перед Николаем Авдеевичем встала проблема, которую так или иначе надо было решать.

И тут супругам несказанно повезло. Из далекой глухой орловской деревни приехала погостить к московской родне Серафима, двоюродная тетка Риточки. Да так и осталась на постоянное жительство. Она была незамужняя, бездетная, зато очень добрая, покладистая и работающая.

— Какая у вас, городских, работа? — искренне недоумевала она. — Вода прямо в доме, горячая и холодная, печку топить не надо, скотину обихаживать не надо, огород копать не надо, белье машина сама стирает! Это ж райская жизнь! Умирать не захочешь.

Серафима всю свою нерастраченную нежность и душевное тепло делила между супругами поровну, а маленького Кирюшу просто обожала. Он был ее любимцем, баловнем, которому она до восемнадцати лет приносила горячий шоколад в постель.

По прошествии некоторого времени Николай Авдеевич выхлопотал через университетский профком комнату в коммуналке для Серафимы, чтобы она не чувствовала себя «приживалкой». Серафима ничего такого и не чувствовала, ей это даже в голову не при-

ходило. Получив комнату, она не обрадовалась, а, наоборот, расплакалась.

— Что с тобою, Симочка? — растерялся профессор.

— И-избавиться от меня хоти-и-те, надоела я вам, — рыдала Серафима, всхлипывая и вытирая лицо фартуком. — Сирота-а я неприка-а-янная...

Николай Авдеевич удрал в свой кабинет и закрылся там, а Маргарита Георгиевна с трудом успокоила тетку, выпив с ней на пару изрядное количество вальерьянки и пустырника. Комнату решили сдавать, а жить Серафима будет у Дубровиных, как и раньше.

Жизнь шла своим чередом.

Кирюша вырос, закончил школу и университет. Папа через знакомых устроил его на работу в небольшую фирму, занимающуюся компьютерами. Маргарита Георгиевна превратилась в дородную даму, и все принимали ее за дочь Николая Авдеевича, который сильно постарел и потерял свою былую представительность.

В самый разгар жаркого московского лета тетка Серафима умерла. Комнату свою она завещала Кириллу. На семейном совете решили комнату продать, добавить остатки сбережений и приобрести Кириллу отдельную квартиру.

— Мальчику необходимы свобода и самостоятельность, — говорил профессор.

На самом деле Николаю Авдеевичу страшно надоели друзья сына, от которых не было никакого покоя. Развязные молодые люди, невоспитанные девицы то и дело собирались в их просторной квартире, пили, курили, включали громкую музыку, танцевали, хохотали во все горло и нахально разгуливали по всем комнатам.

У профессора от всего этого болела голова, он не мог сосредоточиться на своих теоремах и выкладках, раздражался, сердился, принимал валидол и с видом

мученика жаловался жене на молодежь. Больше всего профессора беспокоила сохранность его коллекции. Вдруг ретивые мальчики и девочки узнают, какие ценности хранятся в доме? От них можно ожидать чего угодно!

— Пойми, Рита, — взывал он к сознательности супруги. — Год назад я обменял несколько превосходных греческих монет на золотого «Французского ангела». Это самый «счастливый» талисман в мире! Его история началась с Огюста Дюпре, которому король Луи XVI поручил заняться новой валютой. Были отчеканены легендарные двадцатифранковики с изображением ангела.

— Ну и что?

Николай Авдеевич перешел на шепот.

— Ходили слухи, что Дюпре использовал золото, созданное алхимиком Лестатом. Во время Французской революции эта уникальная монета спасла жизнь своему создателю. Дюпре приговорили к казни на гильотине... Когда он взошел на эшафот, в его кармане лежал «Ангел». Осужденный преклонил колени, произнес молитву, положил голову под смертоносное лезвие... и тут произошло чудо. В колокольню ближайшей церкви ударила молния: полыхнуло пламя, раздался оглушительный грохот... В толпе зевак на площади возникла паника, и казнь отменили. А спустя несколько месяцев Дюпре выпустили из тюрьмы. Слава о монете-талисмани разнеслась по всей Франции, по всему миру... Капитаны морских судов не пускались в плавание без «French Angels», пилоты во время Первой мировой войны не поднимались без них в небо. А во Вторую мировую войну «Счастливых Ангелов» выдавал летчикам-истребителям Люфтваффе сам Герман Геринг... в качестве награды...

Маргарита Георгиевна смотрела на мужа, как на умалишенного.

— И вот... теперь монета у меня! — похвалился тот.

— Значит, ни тебе, ни твоей коллекции ничего не грозит, — парировала она. — Не устраивай бурю в стакане воды, дорогой. Кирюша не может проводить время в подворотне! Пусть лучше ребята гуляют у нас на глазах. По крайней мере, они не наркоманы! Здесь я ничего плохого не допущу. А если мы не будем знать, где и с кем находится наш сын, то...

Она никогда не заканчивала эту тираду, закатывая глаза и воздевая руки к потолку. Николай Авдеевич был бессилен что-либо изменить и переживал молча. Это серьезно подтачивало его и без того не железное здоровье. Купить сыну квартиру стало его навязчивой идеей.

Денег, которые Маргарита Георгиевна получила за комнату Серафимы, не хватало. Пришлось продать дачу в Клязьме и старую машину. Добавив почти все, что у них было отложено, родители Кирилла еле набрали необходимую сумму.

Так Кирилл стал владельцем отдельной двухкомнатной квартиры в Неопалимовском переулке. Той самой, в которую он со дня на день собирался переезжать.

На мебель денег не осталось, поэтому Маргарита Георгиевна отдала Кириллу стол и диван, которые стояли в его комнате. В общем, все складывалось удачно. Кроме отношений с соседями.

Кирилл Дубровин вздохнул, останавливаясь у своей новенькой двери и доставая ключи. На лестничной клетке было тихо. Он открыл оба замка и вошел. Шаги гулко раздавались в пустой квартире. Пахло деревом, лаком, клеем и новыми обоями.

— Черт знает что! — возмутился Кирилл, ставя на плиту чайник. Необъяснимое поведение соседей ставило его в тупик.

Он напился чаю, принял горячий душ и прилег на

диван. Ощущение полного одиночества и свободы было довольно-таки непривычным. Сегодня выходной, и Кирилл мог делать что хотел — бездельничать, валяться, мечтать о чем-нибудь или спать. Никому не было до него дела. Он вспомнил девушку из аптеки, где покупал перевязочные средства, и невольно улыбнулся. Девушка была красивая — высокая, гибкая, с длинными, очень светлыми волосами. Имя у нее оказалось необычное — Леонтина. Редкое имя. Кирилл, во всяком случае, такого еще не слышал.

Дубровину не составляло труда заводить знакомства с женщинами. Он имел развитое, сильное тело, приятное лицо, коротко стригся, одевался модно и подчеркнуто аккуратно. Невысокий рост его ничуть не портил, скорее наоборот. Серо-голубые глаза смотрели жестковато и несколько насмешливо. Женщинам все это нравилось. Особенно им импонировала его манера общения, безукоризненно вежливая, небрежно-светская и любезная. Кириллу было тридцать два года, и он еще не был женат.

Леонтина, которая работала фармацевтом в аптеке, произвела на него впечатление. Кажется, он ей тоже понравился. Погрузившись в приятные воспоминания и фантазии, Кирилл задремал.

Пронзительный звонок в дверь вывел его из забытья.

Что-то небывалое! За все время, как он купил квартиру, к нему звонили впервые. Правда, приходили рабочие, но это не в счет. Во-первых, у них были ключи, а во-вторых, в субботу — выходной. Родители уехали к друзьям за город. Антон, друг Кирилла, единственный, кто знал о его новой квартире, сегодня работает. Если бы он собирался прийти, то обязательно предварительно позвонил бы по телефону.

Кирилл подошел к двери с некоторой опаской, посмотрел в «глазок». На полутемной лестничной площадке стояла растрепанная женщина средних лет,

она плакала. Он скорее почувствовал, чем увидел это ее состояние растерянности и горя.

— Извините, ради бога, — проговорила женщина, как только Кирилл открыл дверь.

Она была без верхней одежды и в тапочках. Неужели соседка? У Кирилла на лице было написано такое удивление, что женщина еще больше смутилась.

— Мне пришла телеграмма, — продолжала она, всхлипывая и сморкаясь в огромный мужской носовой платок. — Я из Мурманска.

Кирилл ничего не понимал. Она из Мурманска? И что?..

— Это город Москва! — мягко сообщил он странной посетительнице и улыбнулся.

— Я... я знаю... — женщина кивнула головой и громко высморкалась.

— Да вы заходите, — предложил Кирилл, пропуская женщину в прихожую.

— У вас ремонт, — она оглянулась, переминаясь с ноги на ногу. — Вы заняты, наверное...

— Я бы так не сказал, — снова улыбнулся Кирилл. — Чем могу быть полезен?

— Я из Мурманска, — повторила женщина. — Муж ушел в плавание, вернется только через месяц, а тут... телеграмма.

— Какая телеграмма? — не выдержал Кирилл. Он видел, что женщина расстроена и еле стоит на ногах. — Вы проходите в комнату. У меня стульев нет, не успел еще обзавестись. Присаживайтесь на диван!

Женщина уселась, продолжая шмыгать носом.

— Приходит почтальонка вчера утром. «Плохая телеграмма тебе, Галина!» — говорит. Я гляжу, из Москвы сообщают, что дядя мой, Алексей Петрович, умер. Он мне даже и не дядя. — Она вздохнула. — Так, дальний родственник. Я в родстве не очень-то разбираюсь... Он всю жизнь проплавал и за границей бывал.

Семьей так и не обзавелся. Ни жены, ни детей! Никого, кроме меня... Так получается.

Кирилл вежливо слушал.

— Вы простите, молодой человек, — спохватилась женщина. — Я вам зря все это рассказываю. Но... Кроме меня, хоронить его некому, ну и наследство оформить надо. Квартиру-то он мне свою отписал! Царствие ему небесное! — Она торопливо и неумело перекрестилась. — Села я на самолет — и в Москву. Город чужой, все чужие. Еле по адресу дом нашла. Ни души у меня тут знакомой нет! Как все делать, оформлять, какие документы, справки нужны, не знаю. Пароходство, где он всю жизнь проработал, за тридцать земель находится, во Владивостоке. Квартиру он эту в Москве неожиданно как-то купил, сразу. И где деньги взял? Наверное, всю жизнь копил. Один жил. Какие расходы?

— Так вы...

— Я сегодня только прилетела, — не дослушала женщина. Она торопилась рассказать все о своих проблемах. — И что за люди здесь живут? Никто даже дверь открыть не желает! Спросить некого, куда идти, что делать? Соседи, называется! Прячутся, как мыши по норам. Или это здесь заведено так?

— Нет! — ответил Кирилл. — Я сам удивляюсь. Вам никто не открыл?

— Никто! — Женщина заплакала. — Меня зовут Галина Ивановна, — без всякого перехода добавила она. — А вас?

— Кирилл.

— Красивое имя.

Кирилл пожал плечами. Он привык к своему имени и считал его обыкновенным.

— Я звонила почти ко всем. А впустили меня только вы! Алексей Петрович жил на пятом этаже. Собст-

венно... — она показала на потолок, — он и сейчас там. Лежит... Вы мне не поможете?

Кирилл подумал немного и кивнул головой.

— Пожалуй. У нас недавно Серафима умерла. Так что я знаю, куда надо идти, какие бумаги оформлять. Я вам все запишу. Сейчас... — Он достал ручку, вырвал листок из блокнота и записал все необходимое. — Вот. Остальное придется узнавать в ЖЭКе. Соседи тут действительно ведут себя... непонятно. Так что рассчитывать придется только на себя.

— Знаете... — Галина Ивановна смутилась. — Вы не подниметесь со мной наверх? Боюсь я одна с покойником. А?

— Ладно.

Кириллу не хотелось никуда идти, но он не мог бросить на произвол судьбы женщину. К тому же внезапно ему пришла в голову мысль, что он сможет побывать хотя бы в одной из квартир этого загадочного подъезда, увидеть воочию, причем близко, ее хозяйна. Пусть мертвого. Все равно интересно.

— А кто вам телеграмму прислал? — спросил он, пока они ехали в лифте на пятый этаж.

Галина Ивановна шмыгнула носом и развела руками.

— Не знаю. Подписано — социальная служба. Дядя ведь был одиноким. Может, из собеса кто или... Понятия не имею! — заключила она.

— А как вы в квартиру попали? Ключи где взяли?

— Под ковриком. Я к двери подошла, толкнула — заперто. Удивилась очень. Знаете, когда покойник в доме, дверь всегда открыта. Во всяком случае, я так думала. А тут... Ну, постояла я, никто не открывает. Позвонила в соседние квартиры. Тоже ничего. Что делать? У меня ноги от усталости подкашиваются, сил нет! Сколько я по Москве набегалась без привычки! Стою и плачу. И тут мысль мне пришла: посмотреть

под ковриком. Люди часто так делают... Ключ, на мое счастье, там и лежал.

Галина Ивановна открыла дверь и пропустила вперед Кирилла.

В квартире стоял стойкий запах сандалового дерева и хорошего дорогого табака. В небольшой прихожей было темно.

— Идите сюда, — отчего-то шепотом позвала его Галина Ивановна.

Кирилл поймал себя на том, что старается ступать бесшумно, как вор. Страх он не испытывал — только жгучий интерес. Было немного не по себе. Как будто за ними наблюдал кто-то невидимый.

В комнате горел свет. Кирилла поразила обстановка. Жилище одинокого пенсионера оказалось довольно необычным.

Сама по себе комната была огромная, стены обиты гобеленами, на которых преобладали морские мотивы. Тихие воды, укромные заливы, корабли, дрейфующие у зеленых берегов, бледные небеса с курчавыми облаками, как на пейзажах великих голландцев. Окно занавешено атласными шторами цвета морской волны.

Мебели мало — сделанный на заказ деревянный неполированный стеллаж во всю стену, мягкий уголок, низкий столик, книжные полки. Стеллаж сплошь уставлен диковинками со всех концов света — морскими раковинами, высушенными крабами, лангустами, экзотическими плодами, посудой, статуэтками, оружием, коробочками и ларчиками, бутылками, африканскими масками... Чего тут только не было!

На низком столике разложены принадлежности для курения — всевозможные трубки, мундштуки, портсигары, коробки с разными видами табака, дорогие зажигалки и прочее.

— Видите? — прошептала Галина Ивановна, при-

саживаясь на краешек шикарного дивана. — Эти вещи он привозил из рейсов? Как вы думаете?

Кирилл покачал головой. Он еще не все рассмотрел. Над диваном висели две картины. Одна — морское сражение парусных судов; другая — шторм в океане. Что-то похожее на Айвазовского.

— А где...

Галина Ивановна поняла, о чем хотел спросить Кирилл, и показала рукой на ширму, отгораживающую один угол комнаты. Ширма была тоже гобеленовой, поэтому не бросалась в глаза.

Хозяин квартиры лежал на велюровой кушетке, одетый в новый костюм, со сложенными на груди руками. Длинные седые волосы аккуратно причесаны. На правой руке — татуировка: якорь. Лицо почти такое же белое, как и волосы.

— Это ваш дядя? — шепотом спросил Кирилл у Галины Ивановны.

— Наверное. Я его при жизни ни разу не видела!

— Вы его документы нашли?

— Ага! Паспорт и все остальное... В шкафу с книгами, прямо на средней полке. И деньги там. Немного, но на похороны хватит.

Кирилл посмотрел на фотографию в паспорте. Покойник и вправду оказался Алексеем Петровичем, во всяком случае похож. Те же резкие черты лица, тяжелый подбородок, длинные волосы. Сомневаться не приходилось.

— Это он! — подтвердил Кирилл.

— А вы что же... думали...

— Странно все это. Вы не находите?

— Нет, — удивилась Галина Ивановна. — Дядя был один на всем свете. Жил один, и умер один. Это как раз понятно.

Кирилл так не считал, но решил не спорить. Какое его дело?

— Давайте распределим обязанности, — предложил он. — Вы идите, оформляйте все бумаги, а я позвоню кое-куда, договорюсь о помощи. Вдвоем нам не справиться.

— Позвоните отсюда, вот телефон. Вы не могли бы побыть здесь, пока я приду? Нельзя покойника оставлять одного.

Кирилл все еще думал, соглашаться ему или нет, как Галина Ивановна мгновенно собралась и ушла. Похоже, выбора у него не было. Он задвинул ширму, чтобы не видеть мертвого, и принялся рассматривать заморские вещицы, собранные бывшим моряком.

Нельзя сказать, что Кирилл Дубровин боялся, но ему было неуютно. Легкое беспокойство, тревога непонятого происхождения заставляли его напрягаться. Он старался не смотреть в сторону ширмы, что ему почти удавалось.

Книг у Алексея Петровича было немного, и все — про море и морские приключения. Кирилла это не увлекало. Лучше посмотреть на трубки и сигары.

Ароматы бесподобные! Сразу пришли на ум таверны далекой Ямайки, шум заокеанских портов, свежие ветры странствий. Моряк был с понятием, вещи любил отменные! Несколько перламутровых раковин-пепельниц были просто великолепны. Кирилл поднес одну из них к уху, прислушался. Где-то отдаленно зашумел прибой, набегая на песчаную отмель, там пахло водорослями и тропическими цветами. В тени пальмы притаилась прохладная свежесть...

В какой-то момент Кириллу показалось, что одежда ему мешает. Стеснение во всем теле заставило его нервно оглянуться. Да что это с ним? Неужели он боится? Черт, как неприятно! Напрасно он согласился остаться.

— Кирюша, тебе пора научиться говорить: «Нет!», — вспомнил он слова мамы. Она, как всегда, была права.

Кирилл положил раковину на место и пошел звонить. Ему удалось договориться обо всем, что он наметил. Когда вернулась Галина Ивановна, порядок действий уже выстроился в уме Кирилла со всеми подробностями.

Глава 2

Виктория выбрала себе помаду гранатового оттенка. Оригинально и неброско. Она всегда выбирала самое лучшее из возможного. На себя ни усилий, ни средств жалеть не стоило. Выходя из магазина, она подумала, что еще успеет забежать на работу.

Рабочий день закончился, и помещение фирмы, где Виктория работала бухгалтером, опустело. Она оказалась в офисе почти одна, если не считать двух охранников.

«Выпить, что ли?» — подумала женщина.

У нее испортилось настроение. Сегодня был сумасшедший день: много клиентов, уйма работы — даже на обед не удалось сходить. Пришлось звонить Клавдии, отказываться от встречи. Они должны были поговорить о делах. Клавдия была подругой Вики со студенческих лет, помогала ей делать курсовые, сдавать экзамены. Если бы не Клава...

Виктория не очень хорошо училась. Бухучет она ненавидела всей душой, никогда его не понимала и не слишком-то стремилась к этому. После института она устроилась на работу без труда благодаря любовнику. Вернее, одному из любовников. Их у Вики всегда было несколько. Но вот работать приходилось самой, а это получалось плохо. Не хватало знаний. И Вика решила позвонить Клавдии. Так возобновилась старая дружба.

Виктория включила кофеварку, налила себе немно-

го коньяка, выпила и задумалась. Ее беспокоили многие проблемы, касающиеся работы, особенно вексель, связанный с поставками шведских партнеров. Клавка наверняка что-нибудь придумает. Она уже столько раз выручала Вику! Выручит и на этот раз. Хорошо, что подруга не болтлива и никому не рассказывает, сколько ей приходится выполнять работы вместо Виктории. Конечно, за ее услуги приходится платить, но совсем недорого. В сущности, это гроши, если учесть, сколько раз она спасала Викину репутацию.

На другом конце Москвы, на проспекте Вернадского, спускалась в подземный переход та самая Клавдия, о которой размышляла эффектная и преуспевающая сотрудница фирмы «Инвест-сервис» Виктория Мураткина.

Клавдия тоже была расстроена и едва не подвернула ногу, споткнувшись на скользкой лестнице. К вечеру погода испортилась, моросил противный мелкий дождик, похолодало. Пора надевать плащ. От этой мысли Клавдии стало еще хуже. Плащ был старый, давно вышедший из моды. Но денег на хорошую одежду не хватало.

Хозяин частного предприятия, на котором она работала уже десять лет, был необыкновенно, патологически скуп. Он экономил на всем и, возможно, благодаря этому смог кое-как наладить свой собственный бизнес. Арнольд Вячеславович Климов был директором старой закалки, дело свое продвигал мучительно и с огромными трудностями. Неплохую прибыль оно стало приносить ему только в последние два года. Но директор упорно не желал повышать зарплату сотрудникам, половина из которых давно разбежались.

У Клавдии было много работы, а денег едва хватало на еду и квартплату. Но уходить она не собиралась.

Куда ей идти? Она неудачница. Замуж так и не вышла, хотя ей уже тридцать четыре года. Страшно подумать, на что ушла ее жизнь!

Приехав домой, она медленно разделась и села на истертый пуфик в прихожей. Вся мебель осталась от мамы, которая недавно вышла замуж и переехала жить к новому мужу, а квартиру оставила дочери. Отца своего Клавдия не знала. Они с мамой были не расписаны, а когда выяснилось, что скоро появится ребенок, папаша поспешно сбежал, не оставив адреса. Так что Клавино невезение началось еще тогда, в материнской утробе. И длится по сию пору.

Ей не везло во всем и всегда! И сегодняшний день — не исключение. Она опять промочила ноги. Ботинки старые, много раз чиненные, а новые купить не на что. Женщина устало вздохнула. Ей хотелось плакать, как всегда при виде жалких изношенных вещей, которые ей приходится носить. Господи! Ну почему ее жизнь складывается именно так?

Красавицей она никогда не была, но в молодости на нее иногда обращали внимание. У нее даже были женихи. Они ухаживали за Клавдией, а женились почему-то на других. Чем-то она отталкивала мужчин. Может быть, именем? Надо же было так умудриться назвать девочку — Клава! Мама в ответ только пожимала плечами. Чем плохое имя? Да всем! Всем!

Клавдия надела тапочки и отправилась на кухню. Поставила чайник. Тоска не проходила. Впереди маячило невыносимое, тягучее одиночество.

Она давно перестала за собой следить: краситься, делать прическу. Волосы собирала сзади в хвост и закалывала, носила одну и ту же юбку, меняя два свитера — черный и серый. Исключительно тогда, когда надо было один из них стирать. Лицо ее было лишено красок, тусклое, с невыразительными глазами и бес-

цветными ресницами. Полноватая, неизящная фигура, понурый вид. Хоть вовсе не подходи к зеркалу!

Интерес к жизни угас так давно, что она уже забыла, когда это произошло. Каждый день был похож на предыдущий как две капли воды. Такой же скучный, унылый и безнадежный. Работа, магазин, троллейбус, дом... Все. Подруги обзавелись семьями и постепенно перестали приглашать в гости, звонить. С днем рождения ее поздравляла только мама, уже несколько лет. В этот день Клава покупала торт, какое-нибудь вино и пила в комнате чай, глядя на экран телевизора и глотая слезы.

От грустных мыслей ее отвлек телефон. Звонила Вика, давняя подруга, единственная, с которой можно было поболтать, излить душу.

— Клавка, привет! У меня к тебе просьба. Догадываешься, какая?

Она догадывалась. Вика снова предложит сделать за нее часть работы. Платит она за это очень мало, чисто символически. Но ведь неудобно брать с подруги деньги! Клава всегда чувствовала себя неловко, когда приходилось это делать. Стыдно признаться, но она обрадовалась подвернувшейся работе: по крайней мере сможет купить себе новые ботинки. Посидит пару вечеров и все сделает. Все равно ей нечем больше заниматься.

— Конечно! — ответила она. — Я все сделаю, Вика. Тебе, как всегда, срочно?

— Вот именно! — засмеялась Вика. — Сегодня не получилось пообедать вместе. Давай хоть поужинаем! У тебя можно?

— Могла бы и не спрашивать. Я, как всегда, однаодинешенька.

— Тогда жди. Я с работы звоню. Сейчас забегу в Елисейский — и к тебе. Вина взять?

— Ага. Красного! И сигарет.

Клавдия вообще-то не курила. Так, баловалась иногда. Когда уж очень тоскливо было. Вот как сейчас! Хорошо, что приедет Вика, привезет чего-нибудь вкусенького...

Вика тоже не замужем, но только потому, что сама не хочет. Мужчины от нее без ума. Она красивая, яркая, стильно одевается. И денег полно. Как это ей удается? Любовников у нее всегда несколько. Она говорит, что так и должно быть. Один, гинеколог, — для пользы. Другой, бизнесмен, — для благосостояния. Ну а третий — для души. И ни один из них о других и не подозревает! Клава бы обязательно запуталась, проговорилась бы и попала впросак. Вика не такая. Она умная и расчетливая. Настоящая деловая женщина! Даже имя у нее соответственное — Виктория, победа! А тут — Клава! О каком везении может идти речь?

Клава вздохнула и пошла открывать дверь «ослепительной Виктории» — так она называла подругу.

«Как ей удастся так шикарно выглядеть?» — думала Клавдия, протирая стаканы.

— Вика! — не выдержала она. — Какая ты элегантная!

Подруга сидела на старом раскладном диване, словно сказочная Шемаханская царица в хижине бедного крестьянина. Ярко-красная мини-юбка и черная прозрачная блуза из бутика, ухоженные блестящие волосы, бриллиантовые серьги в ушах. Густо накрашенные глаза смотрели снисходительно и жалостливо. Бедная Клава, какая же она все-таки серая мышка! Хорошо еще, умом бог не обидел — в смысле работы, а то совсем пропала бы. Убогая она какая-то!

— Клавдия, я тебе бумаги оставлю. До послезавтра сделаешь? — спросила Вика.

— Постараюсь. Что там?

— Я все записала, найдешь в папке.

— Хорошо.

Они закурили. Ароматный дымок поплыл к потолку.

— Как твой Арнольд поживает? — поинтересовалась Вика. — Противный мужик! Занудный до ужаса. Как ты с ним столько лет выдержала?

— А что делать? Кто меня на работу возьмет? Сейчас или по знакомству, или по внешним данным принимают. У меня ни того, ни другого, сама знаешь. Вот и приходится терпеть Арнольда. Он странный какой-то стал в последнее время!

— Странный?

— Ага. Пригласил меня в прошлую пятницу после работы в ресторан. Представляешь?

Виктория недоверчиво хмыкнула:

— Арнольд?

— Я своим ушам не поверила! Испугалась до смерти. Мне и пойти-то не в чем! Отказаться тоже нельзя. Стыда натерпелась! Как на меня там официанты смотрели, не передать... Зачем это ему понадобилось? Как ты думаешь?

— Ну, мало ли, может, он на тебя глаз положил.

— Да ты что! У него жена, дети.

Виктория засмеялась.

— Клавка, ты и правда блаженная! Сколько тебе лет? Такое впечатление, что ты из глухой деревни в Москву приехала, причем неделю назад, не раньше!

— Я здесь родилась, — обиделась Клава. — А у Арнольда просто крыша поехала. Вот он и... взбесился! Мы сидели, сидели, ели, пили, танцевали. Он как-то странно смотрел, пыхтел подозрительно. А в конце будто с цепи сорвался! Наорал на меня.

— Это от жадности. Ему ведь пришлось заплатить!

Подруги засмеялись. Арнольд Вячеславович был не в меру прижимист, и приглашение в ресторан с его стороны выглядело действительно из ряда вон выходящим событием.

— Он в тебя влюбился, — предположила Виктория. — Иначе ни за что бы не удостоил такой чести!

— А мне другое кажется, — возразила Клава. — Он меня уволить хочет.

У Вики брови поползли вверх. Дурак он в таком случае. Кто ж ему еще за такие гроши будет столько работы делать? Причем весьма квалифицированно. Клава — бухгалтер от бога, как говорится. Лучшего и желать трудно. Ай да Арнольд!

— С чего ты взяла? — спросила она.

— Не знаю. Чувствую, и все! — ответила Клава.

Вике стало жаль подругу. Клавдия — добрая и бесхитростная. Почему ей так не везет? Несчастливая она какая-то.

— Слушай, Клава, ты бы себе мужика нашла, что ли? Замуж тебе надо. Немедленно! Ты ж к жизни не приспособленная! Пропадешь одна. А тот твой, Анатолий или как там его, куда делся?

— Женился давно. На ульях.

— Что? — не поняла Вика.

— Ну, он себе все хозяйку искал хорошую, из зажиточной семьи. У его жены отец фермер, пчел разводит. Я точно не знаю... А со мной он так только, время проводил.

— Вот сволочь! — возмутилась Вика. — Сколько он тебе голову дурил! Жрал тут, спал, носки стирал! А сам... Вот козел!

У Клавы глаза наполнились слезами. Анатолий поступил с ней жестоко. Он действительно ходил к ней обедать и ужинать, частенько ночевал, смотрел влюбленными глазами, возил за город. А в один прекрасный день пропал. То есть просто перестал приходить и даже звонить. Как в воду канул.

Клава долго недоумевала, что могло с ним произойти, придумывала всякие оправдания. Она никак не могла взять в толк, почему нужно было вести себя

именно так. Почему он не сказал ей, что женится? И вообще, зачем он к ней ходил столько времени? Ухаживал? Поведение мужчин иногда бывает просто необъяснимым! Лучше совсем с ними не связываться. Так будет спокойнее. Меньше хлопот и переживаний.

— Знаешь что, Клавдия, я тебе газет принесу, целую пачку! — заявила Вика. — Там полно брачных объявлений. На любой вкус. Выбирай только!

— Ой, не хочу я уже ничего, — вздохнула Клава. — Поздно. Поезд ушел.

— Не говори ерунды! Жить надо, а не книжки читать! Сколько ты их перечитала, а толку что?

У Клавдии было одно увлечение: она читала романы о любви. Это заменяло ей то, чего у нее в действительности не было. Она переживала чужие страсти и чужое счастье. Потому что уже не надеялась на свое собственное. Она мало походила на героинь, о которых писали в книжках. Ни заманчивой внешности, ни авантюрных наклонностей у нее не было и в помине. Она могла только мечтать. И в этих своих мечтах она переживала все то, чего была лишена в жизни. Погружаясь в другой, загадочный и волнующий мир приключений и любовной интриги, она забывала о том, что у нее никогда ничего подобного не было и не будет, что она неудачница, невзрачная и неинтересная, несостоявшаяся как женщина, как возлюбленная...

— Давай выпьем! — Вика налила еще вина. — За тебя. Я все-таки принесу газеты. Чем черт не шутит?

— Ладно, неси. — Клавдия решила не спорить.

Вика поболтала еще немного и стала собираться домой. Она тоже жила одна. Но это была только видимость. Мужчины сменяли один другого, как почетный караул. И прежде чем прийти, обязательно звонили. Вика строго придерживалась этого правила, иначе невозможно было бы регулировать такого рода